

УДК 94(47).031:093"15"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.568-592

**ОСМАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КАФФЫ (1475 Г.), КИЛИИ
И БЕЛГОРОДА (1484 Г.) В «ХРОНИКЕ ТУРОК» ИСПАНСКОГО
ИСТОРИКА АНТОНИО ЭРРЕРА ДЕ ТОРДЕСИЛЬЯС**

В.П. Гулевич

*Аппарат Верховной Рады Украины
Киев, Украина
gulevych_v@ukr.net*

Цель: ввести в научный оборот русский перевод малоизвестного испанского источника о захвате османами Каффы (1475 г.), Килии и Белгорода (1484 г.).

Материалы исследования: испанские источники по истории Золотой Орды и Крыма весьма малочисленны. Поэтому «Хроника турок» является важным и интересным источником для этого региона периода позднего средневековья. Настоящая статья содержит вступительную статью об авторе «Хронике турок» Антонио Эррера де Тордесильяс и особенностях его труда, оригинальный испанский текст, освещающий захват османами Каффы (1475 г.), Килии и Белгорода (1484 г.), а также его русский перевод. Данный источник впервые переведен на русский язык и введен в научный оборот.

Результаты и научная новизна: основным источником для автора в части падения Каффы, Килии и Белгорода послужил труд итальянского хрониста Джованни Мария Анджиолелло, творчески переработанный А. Эррера де Тордесильяс. Автор освещает события в Крыму накануне османского завоевания, отношения генуэзцев с татарами, настроения жителей Каффы, описывает приготовления турецкого флота, осаду города и его предательскую сдачу турецкому военачальнику, обман турок и их бесчинства над сдавшимися на милость победителя жителями, их ограбление, разделение семей, продажу в рабство детей, депортацию оставшегося итальянского населения в Стамбул. Упоминает он и о захвате других итальянских колоний Крыма, хотя и без подробностей. Сведения Антонио Эррера де Тордесильяс о захвате города Каффа и судьбе его населения находят подтверждение в османских источниках. Второй блок информации посвящен захвату османами стратегически важных городов Северо-Западного Причерноморья Килии и Белгорода в 1484 г. Здесь автор значительно более кратко описывает события, которые по сравнению с падением Каффы вызвали значительно меньший резонанс в Европе. Некоторые особенности текста Антонио Эррера де Тордесильяс позволяют утверждать, что он изложил далеко не весь доступный ему материал.

Ключевые слова: османское завоевание Северного Причерноморья, Каффа, генуэзские колонии Крыма

Для цитирования: Гулевич В.П. Османское завоевание Каффы (1475 г.), Килии и Белгорода (1484 г.) в «Хронике турок» испанского историка Антонио Эррера де Тордесильяс // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 568–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.568-592

Благодарности: автор статьи считает своим приятным долгом искренне поблагодарить кандидата филологических наук, доцента кафедры романской филологии Института филологии Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко Людмилу Васильевну Артемову за неоценимую помощь в переводе источника.

**THE OTTOMAN CONQUEST OF CAFFA (1475), KILIA
AND BELGOROD (1484) IN THE *CHRONICLE OF THE TURKS* WRITTEN
BY ANTONIO DE HERRERA Y TORDESILLAS, THE SPANISH HISTORIAN**

V.P. Gulevich

Verkhovna Rada of Ukraine

Kyiv, Ukraine

gulevych_v@ukr.net

Abstract: *Research objectives:* To introduce the Russian translation of a little-known Spanish source about the Ottoman conquests of Caffa (1475), and Kilia and Belgorod (1484), into scholarly circulation.

Research materials: Spanish sources on the history of the Golden Horde and the Crimea are very few. Therefore, the *Chronicle of the Turks* is an important and interesting source for this region dating from the late Middle Ages. The present article contains an introductory essay both about the author of the *Chronicle of the Turks*, Antonio Herrera de Tordesillas, and the features of his work. The next section contains the original Spanish text describing the capture by the Ottomans of Caffa (1475), Kilia and Belgorod (1484); as well as its Russian translation. This effort represents the first translation of the source into Russian and its introduction into scholarly circulation.

Results and novelty of the research: The main source for the author on the fall of Caffa, and Kilia and Belgorod, was the work of the Italian chronicler, Giovanni Maria Angiolello, though it was creatively revised by A. Herrera de Tordesillas. The author covers the events in the Crimea on the eve of the Ottoman conquest, relations between the Genoese and Tatars, and the mood of Caffa's inhabitants. He describes the preparation of the Turkish fleet, the siege of the city and its treacherous surrender to the Turkish military, the deception of the Turks and their atrocities against residents who had been surrendered to the mercy of the victors, their plundering, the separation of families, the enslavement of children, and the deportation of the Italian populace to Istanbul. He mentions the capture of other Italian colonies in Crimea, although without providing details. He further describes the Ottoman capture of the strategically important cities of the northwestern Black Sea Region – Kilia and Belgorod in 1484. Here, the author describes the episodes in a concise form, since, compared with the fall of Caffa, these events had a much lower resonance in Europe. Some features of the text by Antonio Herrera de Tordesillas suggest that he did not provide all the information that he actually had available.

Keywords: Ottoman conquest of the Northern Black Sea Region, Caffa, Genoese colonies of Crimea

For citation: Gulevich V.P. The Ottoman Conquest of Caffa (1475), Kilia and Belgorod (1484) in the *Chronicle of the Turks* written by Antonio de Herrera y Tordesillas, the Spanish Historian. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 568–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.568-592

Acknowledgment: The author of the article considers it a pleasant duty to sincerely thank the Candidate of Philological Studies, Associate Professor of the Department of Romance Philology at Kyiv National Taras Shevchenko University's Institute of Philology, *Liudmila V. Artemova*, for her great help in translating the source.

Испанские источники по истории Золотой Орды и Крыма, повествующие о периоде позднего средневековья, можно сосчитать в прямом смысле слова по пальцам одной руки. Среди таких «Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире» [6; 11], написанная в первой половине XIV в., описание посольства к Тамерлану дипломата Руи Гонсалеса де Клавихо [1; 7; 12; 15; 16] и путевые записки Перо Тафура с описанием его посещения Крыма в 1438 г. [2; 3; 17; 18]. Их неоднократно издавали, как в оригинале, так и в переводе. При такой малочисленности испанских источников тем более интересным для исследователей является произведение знаменитого испанского историка Антонио Эррера де Тордесильяс (1549–1625) «Хроника турок», в которой автор уделяет внимание событиям 1475 г. с описанием завоевания османами Каффы и судьбы ее жителей, а также 1484 г., когда были захвачены Килия и Белгород. Это произведение никогда не привлекалось в качестве источника для истории Крыма, видимо, из-за того, что, судя по заглавию, основным источником для нее якобы послужило широко известное произведение итальянского хрониста Джованни Мария Анджиолелло (ок. 1451 – ок. 1525).

Родился будущий историк в селении Куэльяр, в провинции Сеговия. Его отец Родриго де Тордесильяс был человеком благородным и зажиточным, но сам Антонио в своих подписях всегда помещал на первое место фамилию матери – Инес де Эррера. Начальное образование, в том числе знания латинского языка, он получил в родном городе, а далее, возможно, продолжал обучение в университете Саламанки. В 1570 г. он оправился в Италию на службу к аристократу, дипломату, писателю, военному инженеру и кондотьеру герцогу Веспасиано I Гонзага, который в 1572 г. стал наместником Наварры. Сопровождая его, Эррера учил итальянский язык, постепенно увеличивая свой круг знакомых среди влиятельных людей и сколачивал капитал. Благодаря герцогу вскоре Антонио был представлен испанскому королю Филиппу II и получил официальное денежное жалование от испанской короны. В 1596 г. он стал «главным летописцем Америки», а через два года еще и Кастилии.

Антонио был очень плодовитым писателем, посвятившим много внимания не только истории родной Испании, но и Португалии, Шотландии, Англии, Голландии, Франции, Италии и др. Воплощением его амбиций стала грандиозная История Америки, а также трехтомная «Всеобщая мировая история», где, между прочим, автор уделил много внимания Восточной Европе. Среди неизданных трудов Эрреры имеется рукописная «Хроника турок»¹, описывающая события в Османском и соседних государствах от его основания и до времен султана Сулеймана I Кануни (ум. 1566).

Хроника является богатым источником информации об османских государственных институтах, политической организации и формах правления: султаны, административной, налоговой и судебной системах, система возведения на престол и т.п.; раскрывает особенности турецкой экономики часто сравнивая ее с экономиками европейских государств, описывает морские и

¹ Тут и далее сведения о самой хронике, ее списках и особенностях текста взяты из статьи исследователя творчества Антонио Эррера де Тордесильяс испанского историка Фернандо Фернандеса Ланса [13].

сухопутные торговые пути, сложную систему торговых отношений с другими странами, важнейшие рынки и ярмарки, отношения между населением страны, занятым сельским хозяйством, ремеслом и промышленным производством: верфи, металлургию, текстиль, обработку кож, продукты питания, производство древесины, строительство, оружие и пр.; служит наставлением в области военной стратегии, вооружения, качества, количества, характера, происхождения и значения разного вида войск, порядка и организации сражений, сотрудничества и вражды с соседними государствами и т.п.

Кроме этого в Хронике освещаются вопросы религии (конечно, с явной католической приверженностью), некоторые аспекты содержания Корана, функции и причины существования патриарха Константинополя, иерархии подчиненной ему Церкви, типологии духовных орденов, обрезания, молитв и пр. Еще одним из важных аспектов является характеристика различных народов и этносов Османской империи: турки, татары, греки, арабы, мавры, берберы, евреи и др., а также различных маргинальных групп: корсары, пленники, отступники, разные соседние османам народы, в частности, европейские государства и персы. Автор обращает внимание на их культуру, образование, искусство, литературу, науки, обычаи, суеверия, достоинства и недостатки, роль женщин в обществе, еду, привычки и одежду.

На сегодня известно семь рукописных вариантов «Хроники турок». Вероятный автограф – манускрипт № 3624 из La Biblioteca Nacional de Madrid – представляет собой фолиант в 321 лист бумаги размерами 305 на 210 мм. Текст каждой из глав написан сплошной строкой без разбивки на абзацы. Пагинация арабскими цифрами с 1 по 312 и с 314 по 321 лист. Отсутствуют страницы с 122 по 192 включительно. Каллиграфия характерна для XVII века. На обложке почерком того же века написано: «Это оригинал, который до сих пор не был напечатан»². В заголовке следующее примечание: «Оригинал: настоящий экземпляр, несомненно, тот, который видел в Библиотеке дон Кристобалья Самбрано дон Николас Антонио, и он цитирует его в своей «Bibliotheca Nova», том 3, с[траница]. 129, кол[онка]. 2, потому, что это полностью совпадает с описанием, которое он делает о нем, и у него есть автограф с указанием даты 20 декабря года, в котором он закончил его; хотя следует полагать, что в то время в нем не было испорченных листов, которые в настоящее время отсутствуют, то есть с 122 до 192 включительно. В любом случае это очень редкая хроника. 3-3-[18]82 [год]»³. Под этими словами написано: «Мадрид (1882 г.) Перес Хункера (2400 P)»⁴, с подписью и печатью Переса Хункера и отдельно на листе 1 имя «Бернардо Ласо Кобос»⁵.

² Este es el original y hasta hoy no se ha Impreso.

³ Original: El presente ejemplar es Indudablemente el que vió en la Biblioteca de don Cristóbal Zambrano, don Nicolás Antonio, y cita en su Biblliotheca Nova, tomo 3, pág. 129, col. 2, pues coincide perfectamente con la descripción que hace de él y tiene como aquél el autógrafo diciendo la fecha de 20 de diciembre del año en que la terminó; si bien es de suponer que en aquella época no le habrían sido mutiladas hojas que al presente le faltan, que son desde la hoja 122 a la 192 Inclusive. De todos los modos, es una crónica rarísima. 3-3-[18]82.

⁴ Madrid (1882) Pérez Junquera (2400 R). По всей видимости, это испанский издатель конца XIX – начала XX в. Сантьяго Перес Хункера.

⁵ Bernardo Laso Cobos. Личность не установлена.

Также на листе 1 написано название «Хроника турок, которая в основном следует за тем, что написал Хуан Мария Вичентино⁶, летописец Магомета, Баясита, Селима и Сулеймана, их сеньоров»⁷. Внизу листа можно прочитать: «Антонио Эррера, Хронист его Величества Филиппа Второго, которому [он] посвящает [свою хронику]»⁸. На листах 314–321 находится «Таблица глав, содержащихся в этой книге» и в конце таблицы на листе 321v. надпись рукой самого автора «Я закончил эту историю 20-ХП-1598», однако на листе 312v. перед Таблицей глав ясно просматривается надпись «1565 год».

Хроника разделена на 254 главы и состоит из трех блоков. По мнению ряда исследователей, первый от I до LIII главы основан на извлечениях из «*Historia Turchesca*», приписываемой отдельными исследователями Д.М. Анджиолелло, и других христианских источников; второй, наиболее обширный и богатый известиями, состоит из ста восьмидесяти шести глав с LIV по CCXL, описывает период от правления Мехмеда II до смерти Селима I и якобы почти полностью заимствован из упомянутого выше итальянского хрониста; третий – от CCXLI до CCLIV главы основан на очень разных устных или письменных источниках.

Но есть одна важная особенность. На сегодня известно несколько трудов Анджиолелло: «*Breve narrazione della vita et fatti degli Scia di Persia Ussun Hassan e Ismael*»⁹, «*Historia Turchesca*», дошедший до нас в трех разных рукописях на итальянском языке, «*De caelo et Mundo*», «*Manuscrito de Vicenza*»¹⁰. Есть еще «*Relazione sulle cose del Turchi di un Merchante veneziano partito per Constantinopla*», авторство которой, вероятно, также принадлежит Анджиолелло. Именно из «*Breve narrazione...*», повествующего о войне турецкого султана с персами, и «*Manuscrito de Vicenza*», где описан захват османами о. Негропонт, встречается наибольшее количество заимствований в «*Historia Turchesca*». В обоих случаях Джованни Мария был не только свидетелем, но и непосредственным участником событий. Но сопоставляя текст второго блока Хроники испанского историка с изданной Ионом Урсу «*Historia Turchesca*» [10], исследователи обнаружили, что в первой содержится многочисленная дополнительная информация, а во второй отмечено «вмешательство» каких-то иных «хронистов» помимо Анджиолелло. В интересующих же нас событиях в Крыму и Северо-Западном Причерноморье Джованни Мария не участвовал и, соответственно, мог описать их лишь с чьих-то слов либо письменных донесений.

⁶ Джованни Мария Анджиолелло, которого Эррера по месту рождения в г. Виченца и на испанский манер именует Хуаном Марией Вичентино.

⁷ *Crónica de los Turcos*, la cual principalmente sigue a la que escribió Juan María Vicentino, cronista de Mahometo, Bayasit, Selim y Suleimán, señores de ellos.

⁸ Por Antonio de Herrera, Cronista de la Majestad de Felipe Segundo, a quien la dedica.

⁹ *Breve narrazione della vita e fatti degli scia di Persia Ussun Hassan e Ismaele*. Vicenza 1490 // *Ramusio G.B. Delle navigationi et viaggi*. Vol. II. Venezia, 1559. Fol. 74r–86r.

¹⁰ *Reinhard J. Essai sur J.-M. Angiolello noble vicentin (1452–1525) Premier Historien des Ottomans (1300–1517) et des Persans (1453–1524) sa vie – son oeuvre, avec La première édition annotée de ses écrits*. Angers J. Siraudeau, Imprimeur-éditeur, 1913. 238 p.

Авторство «*Historia Turchesca*» было спорным уже с тех пор, как И. Урсу опубликовал в 1909 г. рукопись этого текста из Национальной Библиотеки Парижа и объявил на основе трех личных свидетельств автора на страницах фолианта, что эта работа принадлежит перу Донадо да Лецце. Доказательства И. Урсу против авторства Анджиолелло столь же веские, как и доказательства в пользу авторства да Лецце. И хотя из-за значительного заимствования текстов из Анджиолелло парижская рукопись названа «*Historia Turchesca di Gio. Maria Angioiello Schiavo et altri schiavi dall'anno 1429 sino al 1513*», общая компоновка этого труда не может принадлежать ему самому. Слишком уж много глубоких различий в стиле, содержании и взглядах. Так, в «*Historia Turchesca*» заметно плохое знание истории и географии Османской империи и весьма наивно представлено происхождение этого государства там, где в трудах Анджиолелло, которые не вызывают сомнения в его авторстве, это изложено удивительно близко к их современному антропологическому и историческому пониманию. Наконец, в «*Historia Turchesca*» фигурируют расхожие мифы о захвате османами о. Негропонт, не имеющие отношения к тому, что описывает Анджиолелло. Эти и другие обстоятельства позволяют предположить, что, может быть, Эррера использовал автограф или близкий к нему текст Анджиолелло, отличающийся от изданного И. Урсу.

Переходя непосредственно к самой Хронике, необходимо сказать, что тут нет нужды вдаваться в излишнее ее исследование, как исторического источника в части падения генуэзских колоний Крыма. Анализ этих событий заинтересованный читатель найдет в специально посвященной этому событию недавней публикации о письме тосканского анонима [4]. Здесь мы лишь кратко коснемся наиболее важных моментов. События, изложенные Эррера де Тордесильяс, имеют большое сходство с тосканским анонимом и текстом, изданным И. Урсу. Лишь в самом начале отрывка о падении Каффы под пером автора вполне достоверные известия причудливо перемешались с перекрученными. Случилось это, видимо, либо из-за не совсем четкого понимания Эррера де Тордесильяс своего источника, либо было заимствовано из автографа Анджиолелло. В частности, главный татарский карачи-бей Эминек Ширин по воле автора поменялся ролями с ханом Менгли Гиреем и даже стал губернатором Каффы. Но это единственное значительное фактическое расхождение.

Интересны неизвестные детали прибытия османской армады на рейд Каффы в изложении испанского историка. Так, в письме тосканского анонима сказано, что турецкий флот появился под стенами города 31 мая, а Эррера пишет, что это произошло еще 22 числа того же месяца. Лишь из-за сильного ветра армада вынуждена была на несколько дней уйти далеко в море и выслать на переговоры к татарам одну маленькую галеру. Далее данные Эррера о времени высадки османских сил на берег, их количестве, а также о составе турецкого флота и артиллерии, обстреле Каффы, панике в городе, заключении перемирия на три дня и сговоре генуэзских представителей с турецким главнокомандующим, сдаче города на милость победителей, переписи населения и его имущества, продажи в рабство всех иностранцев, пребывавших в городе, разделения семей и отнятия детей у родителей, выплате контрибуции

совпадают с данными тосканского анонима. Но изложение Эрреры о судьбе несчастного населения Каффы изобилует детальными подробностями всех перенесенных ими горестей, которые он сравнивает с «еще одним разрушением Иерусалима».

Не лишним будет тут упомянуть, что информация о панике жителей Каффы, сдаче города на пятый день осады, установлении османских флагов на его стенах, проведении переписи городского населения по знатности и богатству, принятом турками решении, кого переселить, а кого оставить на прежнем месте проживания, находят подтверждение и в османских источниках [5].

Эррера раскрывает и причину отсутствия султана в Стамбуле, когда к нему везли известие об удачном исходе военной кампании в Крыму: после отплытия армады в османской столице началась чума, и Мехмед II выехал «на прохладную гору, которая называется Изерелкин» в 60 милях от г. Адрианополь (Эдирне). И действительно, из синхронных источников известно, что султан в это время находился в г. Загора [14, № 188, р. 270], видимо, это один из двух болгарских городов Стара-Загора (Эски Загра) или Нова-Загора (Ени-Загра).

К сожалению, в описании победоносной военной кампании осман в Крыму А. Эррера де Тордесильяс, в отличие от тосканского анонима и автора текста, изданного И. Урсу, ни единым словом не упоминает о борьбе сыновей хана Хаджи Гирея за власть в Крымском ханстве в 1466–1475 гг., хотя, вне всякого сомнения, он знал о ней. Так, в другом интересном отрывке, касающемся завоевания Баязидом II стратегически важных для всего Северо-Западного Причерноморья крепостей и портовых городов Килии и Белгорода в 1484 г., Антонио прямо пишет, что «[султан] никогда бы не завоевал эту землю, если бы в то время между тартарами не было много войны из-за двух братьев, из которых каждый хотел быть сеньором».

ИСПАНСКИЙ ТЕКСТ

Публикуется по транскрибированному Ф.Ф. Ланса [9] тексту хроники с рукописи, размещенной на сайте Biblioteca digital Hispánica [8].

Capítulo LXXX

De la división que había entre los vecinos de la ciudad de Capha con todos los comarcanos y de cómo, a esta causa, el Gran Turco tomó la empresa contra la ciudad

La ciudad de Capha era poseída en este tiempo de genoveses, la cual es puesta sobre el mar Mayor, pero aunque ellos poseían la ciudad todo el resto de la compañía y comarca era de tártaros, con los cuales los genoveses estaban de continuo en diferencias.

Sabido esto por el Gran Turco, él envió un mensajero a Capha con toda prisa so color de demandar algunos esclavos fugitivos que allí se habían venido de

Trebisonda y de otras tierras de su Estado. Mas la verdadera causa de enviar aquel mensajero a Capha fue porque tuviese manera de hablar con el capitán de la compañía tártara y le hiciese grandes promesas de parte del Gran Turco, porque le fuese favorable y buen amigo a toda empresa que contra la ciudad de Capha quisiese tomar.

El capitán tártaro vino de buena voluntad en todo aquello que el Gran Turco le envió a pedir pero, por mucho secreto que en esto se tuvo, antes que el mensajero del Gran Turco de allí partiese se supo en Capha a qué era venido.

Y el gobernador de la ciudad, habiéndolo entendido, luego buscó manera cómo se matase aquel fuego que ya les iba entrando en las entrañas, pero él traía el agua con harnero porque incontinente que se supo aquella nueva debiera atajar la división que toda la ciudad tenía con todos sus comarcanos y desagrararlos de muchos agravios que cada día de él recibían mas el remedio, que en lugar de esto daba, era amenazar que él traería gente con que destruiría todas las vecindades.

Y así ha sido, y será siempre, la condición de los genoveses de ser enemigos de todo bien y amigos de hacer traiciones y ruindades. Algunos de la ciudad, que se mostraban de buenas voluntades y eran peores que los otros, trataron con el capitán de los pueblos que viniese a Capha a verse con Emineque, que era el capitán de la ciudad, para que entre ellos se diese algún asiento de concordia.

Estos tenían pensado que, venido el capitán tártaro en Capha, le podrían dar hierbas y que muerto él, ligeramente harían las amistades con los pueblos. Todos estos secretos lo eran al entendimiento de ellos que los traían, mas bien se sabían en la compañía donde de mucho antes tenían conocidas las maldades de los genoveses.

Pasados algunos días fue tratado que el gobernador de la compañía fuese a Capha, el cual tenía toda buena voluntad a la paz y estaba ya mucho arrepentido de lo que había ofrecido al Gran Turco y aún se cree que fuera contra él. Venido el gobernador tártaro en Capha habló con Emineque, que era el gobernador, y así mismo con otras personas principales rogándoles enmendasen las cosas pasadas y que tendrían muy buena voluntad. Y dicho esto, él se salió de la ciudad sin querer comer ni beber dentro porque sabía muy bien cómo entre algunos de los de Capha se había hablado de matarle con hierbas, según arriba es dicho.

Luego, desde a poco tiempo, Emineque, gobernador de Capha, trató que el tártaro volviese a la ciudad con seguro como la vez pasada y que, luego como fuese venido, los de la ciudad le prendiesen o matasen. El capitán de la compañía fue avisado de esto y no quiso venir sino a las puertas y, visto que no quería entrar en la ciudad, salió Emineque con gente de la ciudad a caballo y de pie por le prender.

Se pudo salvar el capitán tártaro pero fueron presos algunos de los que con él venían. Cuando Emineque volvió, halló que peleaban dentro de la ciudad y que estaba cerrada la puerta por donde había salido. El pelear era porque algunos querían que no acogiesen a Emineque sino que hiciesen gobernador a uno que se llamaba Caydan; otros decían que Emineque estaba puesto por gobernador y que nadie le debía quitar; otros decían que gobernasen las personas principales del pueblo y que no querían otros gobernadores. Pero todavía Emineque entró dentro.

En este tiempo, los de la compañía cada día corrían hasta los pueblos de Capha. Algunos sacerdotes pusieron algún sosiego en los de dentro por ciertos días pero

con los de fuera no se pudo dar, antes llamaban traidores a los de dentro. Y así estuvieron en esto muchos días hasta que súbitamente el postrimero día de mayo, a las veintidós horas, la armada de los turcos llegó, según adelante se dirá.

En Capha se sabía mucho antes cómo en Constantinopla y en Gallipolis se hacía grande armada pero no podían creer que era para allí, aunque algunos cristianos tuvieron forma de darles aviso desde Constantinopla que la armada era para Capha. Ni ellos lo creyeron ni se dieron maña de concertarse a ningún buen proveimiento.

Capítulo LXXXI

Cómo la armada del Gran Turco llegó a vista de Capha y fue con viento tornada diez leguas atrás

A veintiuno de mayo, que fue un día antes que la armada turquesca llegase a vista de Capha, los de la ciudad lo tuvieron por cierto porque supieron que los enemigos venían muy cerca y así, aquel día y noche siguiente y el otro día de adelante, trabajaron mucho en las cavas, muros, reparos y en adobar la artillería, mas todo esto era en vano porque la fortaleza de Capha estaba en tener acuerdo consigo misma y con la compañía.

Y era todo entonces al contrario porque ellos combatían cada día entre sí mismos y, por otra parte, los de la compañía los tenían cercados y les talaban las viñas y los panes y porque también la compañía sin la ciudad recibía mucho detrimento.

Infinitas veces les rogaron con la paz mas nunca la pudieron alcanzar, que la una parte quería uno y la otra otro, de manera que bien parecía que el enemigo había entrado entre ellos. Porque si la compañía y la ciudad fueran de un acuerdo no había posibilidad para que la armada del Turco pudiera echar escala en tierra. A los veintidós días de mayo vino a vista la armada turquesca y llegó a menos de una legua de Capha, mas se levantó un viento de tierra tan recio que la volvió más de diez leguas dentro en la mar. Entre tanto en la ciudad hacían todos los reparos que podían, mas ni por eso nunca acabaron de tomar concierto alguno con los de la compañía. Enviaron los turcos una pequeña galera, la cual llegó a seis leguas de Capha, y hubo habla con algunos tártaros que andaban por la costa y supieron de ellos cómo todavía se estaban en guerra, la cual cosa fue a los turcos grandísimo favor.

Capítulo LXXXII

Cómo la armada turquesca saltó en tierra y puso cerco sobre la ciudad de Capha

El postrimero día de mayo, tornó a llegar la armada de los turcos a media legua de la ciudad y el primero de junio, a hora de tercia, echaron escalas en tierra muy cerca de la ciudad hacia la parte donde estaba una iglesia muy bien fundada y de gran fundamento llamada de Nuestra Señora.

Los turcos metieron en la dicha iglesia cerca de mil caballos y pusieron sus pabellones allí alderredor y, aquel mismo día, cercaron la ciudad y juntaron sus estancias hasta cerca de la puerta.

Fue el número de la armada turquesca trescientas cincuenta velas. Las doscientas ocho eran galeras cumplidas, cuatro galeazas y los otros eran navíos para abastecerse mas, antes que la dicha armada se partiese de Capha, se hallaron quinientas velas más.

El segundo día de junio, descargaron los turcos catorce bocas de lombardas, de las cuales había algunas de dos bocas y de tres en una guarnición. Y fueron puestas cinco bocas de aquellas contra la puerta y torre de san Jorge y otros cuatro morteros que tiraban dentro en la ciudad para hundir las casas por manera que hacían temer la tierra. Fueron muertos de los dichos morteros algunos hombres dentro de sus mismas casas.

El pueblo de Capha no era tan experto en guerra como de maldades, mas ni por eso jamás cesaba de hacer grandes reparos a todo su poder en aquellas partes que la artillería derribaba. Aun así, se recelaban mucho los unos de los otros y no entendían en hacer partido con los turcos. Las mujeres les aconsejaban que se confesasen y comulgasen e hiciesen entre sí buena amistad porque la ciudad se pudiese defender. Los unos decían que no guardarían los otros aquella amistad y así no se hizo nada que bueno fuese y, al fin, todos acordaron de venir a habla.

Capítulo LXXXIII

De cómo los de Capha vinieron a hablar con los turcos y les fue dada la ciudad

A los seis días de junio, los de la ciudad de Capha hubieron parlamento con los turcos y fue hecha tregua entre ellos por tres días. En aquel tiempo fueron llegados en la dicha ciudad cuatro embajadores para que fuesen al capitán de la armada turquesca, el cual era Amag bajá, y viesen el partido que con él se podía hacer, los cuales embajadores fueron estos: micer Juliano del Friso, micer Bautista de Alegría, micer Sixto Fertucio y micer Gregorio Rojo.

El pacto o parlamento que estos embajadores hubieron con Amag bajá no se pudo saber en la ciudad, salvo que después se vio que cada uno de ellos con su casa y familia fueron salvos y todos los otros fueron vendidos. Dieron a entender falsamente en la ciudad, cuando volvieron, que habían acabado con el capitán de la armada que todas las personas y haciendas de los de Capha fuesen salvas y que todos los casados y nativos de la tierra quedasen en ella en sus mismas posesiones pagando al Gran Turco el tributo acostumbrado, el cual es ducado y medio por cada cabeza de cada hombre de catorce años hasta sesenta. Y del ganado y de todos los otros frutos diesen de quince cosas dos y que, así mismo, todos los otros mercaderes extranjeros que en la ciudad estuviesen tuviesen libertad de quedarse o irse con toda su hacienda donde cada uno quisiese escoger.

Los mismos vecinos de Capha, engañados de esta manera, entregaron la ciudad y aun no se esperaron a los tres días de la tregua que antes tenían. Y antes que el tercero pasase, fueron en un momento puestas las banderas de los turcos sobre la puerta de san Jorge y sobre la puerta de san Teodoro sin que persona de la ciudad lo supiese, que aún se estaba la mayor parte de la gente casi por los muros y

en las otras partes donde tenían asignadas sus estancias y la primera cosa que vieron ni supieron fue ver las banderas y sonando los instrumentos turquescos en las torres de Capha.

De manera que se pueden loar los cristianos que, guardando bien su fe, quedaron en tan gran vituperio de la cristiandad y daño de sus mismos vecinos y próximos, aquellos embajadores de Capha que hicieron tan gran traición de que aún los mismos turcos hacen después mucha burla.

Capítulo LXXXIV

De las crueldades y maltratamientos que a los de Capha fueron hechas después que la ciudad fue tomada de los turcos

El mismo día que la ciudad se entregó, los de la Valaquia, los de la Rusia y así mismo los georgianos, griegos y de toda nación cristiana, salvo los italianos, fueron presos y tomado cuanto tenían; ellos metidos en cadena juntamente con sus mujeres e hijos y llevados a vender al real.

Usaban los turcos de las mujeres y de las hijas como les placía y decían a los de Capha que se habían dado como bestias y que así, como tales, habían de ser tratados. Apartaban la mujer del marido, al hijo de la madre, al esposo de la esposa y hacían otras muchas crueldades muy grandes. Y como la mayor parte del campo de los turcos eran maleantes y de personas de poca suerte, no tenían vergüenza ni respeto alguno de virtud para dejar de hacer todo cuanto mal podían.

A doce de junio, el capitán general Amag bajá mandó a un secretario suyo que, con aquellos cuatro embajadores que habían hecho la traición de Capha y así mismo con otro de la misma ciudad que se llamaba micer Luis de Gasparín que era de los veintiocho que los embajadores habían franqueado, hubiesen de examinar particularmente de cada uno de la ciudad, ora fuese armenio, griego, judío o cristiano, la condición y la nación suya o el oficio que tenía, o de qué vivía, o de qué lugar era natural, cuánto había que estaba en Capha y si le mandaron venir allí o si se vino él, que todo esto lo escribiesen por muy menudo y se lo trajesen a mostrar.

Fue grandísimo el terror que este mandamiento de Amag bajá puso en las gentes, mayormente a aquellos que estaban en la ciudad a sueldo; así mismo a todos los que no tenían hacienda, que todos tenían gran miedo que Amag bajá los había de hacer matar como en otros lugares lo había hecho. Y por esto, cada uno procuraba de dar a entender que era de alguna condición como fuese mercadante, o que tenía otras suertes de hacienda porque tenían y creían que esto les había de salvar la vida.

Y por el contrario, si algún mercadante u otra persona de los que mucho tenían ponían en el memorial menos hacienda de lo que la suya era, luego aquellos cinco traidores lo acusaban y escarnecían, lo cual era causa que muchos daban para la memoria tanta hacienda que tenían. Los turcos daban a entender a la gente que aquella memoria no se hacía sino por saber con lo que cada uno era obligado a contribuir de lo que habían de pagar del pecho ordinario.

Hizo, así mismo, Amag bajá meter todos los maestros de oro y plata y a sus mercaderías y joyas en una casa y cierto había en aquel tiempo tanto de aquello, en aquella ciudad de Capha, cuanto en otro lugar del mar Mayor. Otrosí mandó que todos manifestasen las deudas que les debían, en qué parte, para qué tiempo y todas las otras maneras de recado que fue posible.

A los trece y catorce del dicho mes, se puso mandamiento a pena de la cabeza que cada uno fuese a presentar los hijos y las hijas que tenían desde edad de siete años hasta los veinte, porque de aquéllos quería escoger los que le pluguiese para llevar al Gran Turco. Se halló mucho número de hombres y de mujeres de aquella edad, que serían diez mil, y de estos escogió Amag bajá mil seiscientos mozos y mozas de edad de diez años hasta los veinte. Algunos había de éstos casados y desposados que escogían al marido y dejaban la mujer y, en otra parte, escogían a la mujer y dejaban al marido según la edad de cada uno de ellos.

Muchas cosas se vieron conquistadas por el Gran Turco antes de esta y así mismo otras muchas después, mas ni tal grito, ni tal planto, ni tal estrépito jamás fue visto de personas, ni semejante batir de las manos en la cara, ni tal despedazar los cabellos y rasgar la carne con las propias uñas. A algunos fueron cortadas las cabezas por no manifestar los hijos, otros eran hallados que se habían colgado viéndose llevar los suyos cautivos, otros con el dolor grande andaban ladrando la noche y el día por las calles públicas hasta que se caían amortecidos, otros se amortecían abrazados al pescuezo de los hijos y a otros les cortaban los brazos por no poderlos desasir de sus padres o de sus mujeres.

Yo no sé cuál infernal no fuese movido a piedad y muy grande, de lo que allí pasaba, y aquellos cuatro traidores que los vendieron eran los que más acusaban. Fueron tomados por los turcos todos los esclavos y esclavas que se hallaron en Capha, que pasaron de número de cuatro mil. Fue así mismo vista allí otra cosa contra toda humanidad, que muchos niños de ocho días, de un mes, de un año, los sacaban los turcos de los brazos de sus madres y los batían en tierra para llevar las madres a donde les placía para hacer dineros de ellas.

A los dieciocho del dicho mes, fue mandado y pregonado por todas las plazas que todo hombre abriese las boticas y vendiese e hiciese su mercadería como antes y se asegurasen sin temer ya más de cosa alguna, lo cual fue un poco de refrigerio a los vecinos de Capha. Y esto duró muy poco porque no mucho después, de la forma que una tempestad súbita suele venir, tornó a mandar que todos los italianos a pena de la cabeza en término de tres días hubiesen de pagar la mitad de todo aquello que habían manifestado de sus bienes. Y así aún, si pidiera la mitad de todas las cosas que habían manifestado no fuera tanto mal, mas lo pidieron en dinero contado, lo cual no era posible pagar sin hacer lo que hicieron, que fue dar toda su ropa por el cuarto de lo que valía hasta quedarse en camisa y, así mismo, el oro y la plata tomaban en menos de la mitad de su valor por ser labrada.

Así que, se puede decir que, en Capha fue otra destrucción de Jerusalén porque no solamente los de la ciudad manifestaban lo que sus haciendas valían, mas aun mucho más de lo que éstos tenían por no ser muertos y vendidos, como arriba es dicho. Y a los que después los turcos hallaban no tener lo que habían manifestado les daban grandes tormentos por ello, empalándolos y haciéndoles otras infinitas crueldades o, cuando mejor libraban, si toda la ropa que tenían no bastaba para

pagar la mitad de lo que habían manifestado de hacienda, según estaba mandado por Amag bajá, le vendían la persona.

A los veintidós días del mes de junio, a las tres horas del dicho día, fue hecho mandamiento que todos los italianos que en la ciudad estaban y, así mismo, los que se encontraban en ella en nombre de italianos, con sus esclavos y esclavas, so pena de la cabeza, en término de día y medio, se hubiesen de embarcar en ciertos navíos que allí estaban así mismo señalados para ello.

Y los que del término asignado fuesen hallados en adelante en la tierra, mandaba el capitán general que fuesen hechos piezas. Así mismo, fue hecho mandamiento y pregonado por la ciudad que ninguna persona de las que quedaban en Capha, so pena de la cabeza, no tomasen cosa en depósito ni en guarda de ninguna suerte de italianos; que fue fuerza a algunos mercaderes, que tenían llenos los almacenes, entender en salvar las personas con lo mejor que tenían como a ellos era posible y dejar lo demás en sus casas y ninguno osaba tomar lo que en ellas quedaba sino el capitán.

Andaba por las calles un llanto de mucha mancilla, de aquellas tristes familias, que con tanta prisa se presentaban en la marina en el tiempo que les era señalado. Muchos de ellos con la prisa se olvidaron de meter pan en los navíos, que después lo deseaban y rogaban a Dios que mil veces fuesen vendidos antes que verse sola una hora en tal necesidad como la que de hambre pasaban.

Embarcadas que fueron aquellas míseras familias de Capha, partieron los navíos del puerto y a tres de agosto llegaron en el canal de Constantinopla. Y porque había pestilencia en la tierra los hicieron apearse en el campo, donde estuvieron los cuitados por tiempo de tres meses sin abrigo ninguno hasta que la pestilencia cesó. Y entonces fueron traídos por mandado del Gran Turco a Constantinopla.

... La armada turquesca, antes que viniese el invierno, tomó en la comarca de Capha a Orpaya, a Zibano, a Todoro, a Tumania y a otros muchos lugares y metió infinitos navíos de cristianos a fondo.

Capítulo LXXXV

De lo que el Gran Turco hizo mientras la armada estuvo en la empresa de Capha...

...Al tiempo que Amag bajá fue a la empresa de Capha, el Gran Turco se quedó en Constantinopla. Y como desde algunos días comenzase a haber peste en la ciudad, él se fue a una montaña fresca donde estuvo cierto tiempo muy a su placer, la cual es llamada Yserelquín y es a sesenta millas de Adrianópolis.

Capítulo CXXXVI

Cómo Bayasit, gran turco, fue contra el conde Estéfano Carabodan y le ganó las ciudades de Litóstomo a Moncastro

Después de muchos días, Bayasit sultán pasó el Danubio con todo su ejército y metió el su campo sobre la ciudad de Litóstomo, la cual está asentada en la ribera

del mar Mayor, y por la otra parte pasa un ramo del Danubio que allí cerca entra en la mar.

Puesto pues el campo sobre Litóstomo, y cercada la ciudad por mar y por tierra, visto por los que en ella estaban que el señor Carabodan no tenía facultad para socorrerlos, ni ellos tenían manera para poderse defender y que el cerco había durado siete meses y habían gastado todo el mantenimiento y munición que tenían, acordaron de rendirse al Gran Turco sacando por partido que viviesen en sus haciendas y pagasen al dicho señor lo mismo que pagaban al Carabodan.

Habido este lugar, Bayasit sultán deliberó de ir más adelante. Y así, juntamente la armada y el campo terrestre fueron para la ribera del mar Mayor a cercar la ciudad de Moncastro, la cual está lejos de Litóstomo hasta cien millas. Y está puesta sobre el dicho mar Mayor y, así mismo, le pasa por la otra parte la ribera gruesa del Boristenes, que el día de hoy es llamado Neper.

Este lugar se defendió del Gran Turco dos meses, mas tomando ejemplo de lo que la ciudad de Litóstomo había hecho, se rindieron con el mismo partido. Ganada Moncastro, el gran turco Bayasit hizo saber por todo lo llano de la tierra, la cual estaba despoblada, que todos los que se volviesen a sus lugares dentro de cierto término, que los recibiría con el mismo partido de Litóstomo y Moncastro.

...Y aunque las dichas tierras eran del conde Estéfano Carabodan y los lugares principales fueron ganados por el gran turco Bayasit, y hoy son del señorío de Ujieto, la gente de la tierra siempre paga también tributo al señor Tártaro, como al Gran Turco, y así mismo a la casa del conde Estéfano. Y a todos ellos dan igual obediencia. Y no podrían vivir de otra manera, porque cualquiera de estos tres señores los puede destruir.

Y por tanto, cuando Bayasit sultán ganó las ciudades susodichas de Litóstomo y Moncastro, consintió que la gente de la tierra reconociese señorío a todos tres porque, de otra manera, él hubiese de dejar cincuenta mil hombres para defender la tierra de los tártaros y del Carabodan. Y aún nunca él la conquistara, si en aquel tiempo no hubiera mucha guerra entre los tártaros a causa de dos hermanos, que cada uno de ellos quería ser señor. Y por tanto, el conde Estéfano no pudo ser socorrido de ninguno de ellos para socorrer él sus ciudades, antes que el Gran Turco las ganase.

ПЕРЕВОД

Глава LXXX

О розни, которая была между соседями (жителями) города Каффы со всеми комарканами¹¹, и о том, как по этой причине Великий Турок¹² повел дело против города

Город Каффа, который расположен на Большом море¹³, в это время [1475 г.] держали генуэзцы, но, хотя они и владели городом, остальная часть

¹¹ От лат. *comarchus* – начальник или сеньор города, селения или местности. Судя из контекста, тут автор имеет ввиду татарских карачи-беев, стоявших во главе своих бейлыков.

¹² Великий Турок – османский султан.

¹³ Черное море.

компании¹⁴ и региона были тартарскими, с которыми у генуэзцев были постоянные разногласия.

Узнав об этом, Великий Турок поспешно выслал в Каффу посланника под предлогом требования вернуть нескольких беглых рабов, которые пришли туда из Требисонда¹⁵ и других земель его государства. Но настоящая причина отправки этого посланника в Каффу заключалась в том, чтобы найти способ поговорить с тартарским капитаном компании и дать ему большие обещания от Великого Турка, чтобы тот поддержал и стал на сторону любого предприятия против города Каффа, [которое султан] мог бы предпринять.

Капитан тартар проявил добрую волю для участия во всем, о чем Великий Турок просил его, но как бы не сохраняли они тайны, еще до того, как посланец Великого Турка уехал оттуда, в Каффе стало известно зачем он приезжал.

И губернатор города, осознав [опасность], вскоре стал искать способ как погасить огонь, который уже проник глубоко внутрь, но это все было напрасно, поскольку вместо того, чтобы, узнав ту новость, попытаться остановить разногласия, которые были у всего города со всеми его комарканами и исправить их многие обиды, от которых они страдали каждый день, не сдержавшись, вместо этого, он стал угрожать, что он приведет людей, которые уничтожат все окрестности.

И так это было и будет всегда, что по природе генуэзцы всегда есть враги всего доброго, но приспешники предательства и подлости. Некоторые [люди] из города, которые притворившись людьми доброй воли, хотя были хуже других, связались с капитаном [татарских] селений, чтобы тот приехал в Каффу, чтобы увидеть Эминека, который был капитаном города, с тем чтобы между ними установилось согласие.

Они задумали, что по приезду тартарского капитана в Каффу, они смогут отравить его, и, когда он умрет, они легко договорятся с людьми из селений. Все это казалось секретом только для тех, кто это задумал, так как в компании уже давно знали о злых умыслах генуэзцев.

Через несколько дней было оговорено, что в Каффу приедет правитель компании, который имел добрую волю к миру и уже очень сожалел о том, что предложил Великому Турку, и даже считается, что он был против него [султана]. Когда тартарский правитель в Каффе поговорил с Эминекком, который был губернатором, а также с другими главными лицами, умоляя их исправить прошлые ошибки и прося проявить свою добрую волю. И, сказав это, он покинул город, не желая ни есть, ни пить, будучи в нем, потому что он очень

¹⁴ Эррера, видимо не зная крымских реалий XV в., вместо слова «сапрагна», то есть территории за пределами Каффы, непосредственно подчиненной власти татар, как его понимали и писали генуэзцы, использует похожее по звучанию и написанию слово «сопраña», которое в испанском языке имеет то же значение, что и в русском «компания».

¹⁵ Трапезунд, греч. *Τραπεζοῦντα* – современный турецкий г. Трабзон на южном побережье Черного моря.

хорошо знал, как некоторые [представители городской власти] в Каффе задумали отравить его с помощью трав, как было сказано выше.

Затем через короткий промежуток времени Эминек, губернатор Каффы, попытался вернуть тартарина в город обещая безопасность, как в прошлый раз, но с тем [замыслом] чтобы, как только он приедет, жители города его поймали или убили. Капитан компании был предупрежден об этом и захотел подъехать только к воротам, и, видя, что он не хотел въезжать в город, Эминек выехал с горожанами верхом и пешими с тем, чтобы поймать его.

Тартарский капитан смог спастись, но некоторые из тех, кто с ним прибыл, были схвачены. Когда Эминек вернулся, он обнаружил, что внутри города была битва и ворота, через которые он вышел, были закрыты. Бились из-за того, что некоторые хотели не принимать Эминек, а сделать губернатором одного [человека] по имени Кайдан¹⁶; другие говорили, что Эминек был назначен правителем и что никто не может его снять [с должности]; другие говорили, чтобы градоправителями стали главные жители города и что других губернаторов они не хотят. Но Эминек все же вошел в город.

В это время те [татары] из компании каждый день приходили к народу (т.е. – жителям) Каффы. В эти дни некоторым священникам удалось принести некоторое спокойствие жителям города, но не тем, кто находился снаружи [города], так как они называли предателями тех, кто жил в городе. И так продолжалось много дней, пока внезапно в последний день мая в двадцать два часа не прибыла турецкая армада, как будет сказано позже.

В Каффе стало известно гораздо раньше, что в Константинополе и Галлиполи собиралась большая армада, но они не могли поверить, что она было против них, хотя некоторые христиане смогли предупредить их из Константинополя, что армада предназначалась Каффе. Они не только не поверили, но и не проявили ловкости в том, чтобы сообща принять какие-либо меры для снабжения [города].

Глава LXXXI

Как армада Великого Турка попала в поле зрения Каффы, и как ветер отогнал ее на десять лиг¹⁷ назад

Двадцать первого мая, то есть за день до того, как турецкую армаду стало видно из Каффы, в городе уже точно знали [об армаде], поскольку стало известно, что враги подошли очень близко, и поэтому, и днем, и ночью, и на следующий день они много работали в подвалах, на стенах, ремонтировали и готовили артиллерию, но все это было напрасно, потому что сила Каффы заключалась в том, чтобы договориться между собой и с компанией.

И тогда все было наоборот, потому что они боролись каждый день между собой, а, с другой стороны, те [татары] из компании окружили их, опустошили виноградники и хлебные поля, потому что компания без города тоже сильно пострадала.

¹⁶ Шейдак, сын Мамака Ширина.

¹⁷ Лига – обычная мера длины в Западной Европе позднего средневековья равная ок. 4,8 км.

Множество раз они умоляли их [татар] о мире и так и никогда его не смогли достичь, [потому] что одна сторона хотела одного, а другая – другого, так что справедливо казалось, будто бы враг был среди них. Потому что, если бы компания и город смогли бы договориться, у турецкой армады не было бы возможности сойти на берег. Двадцать второго мая турецкая армада появилась в поле зрения и стала менее чем в лиге от Каффы, но поднялся такой сильный ветер, что отогнал ее назад в открытое море на более чем десять лиг. Между тем в городе делали все [необходимые] ремонтные работы, которые могли, но даже и по этой причине они никогда не достигли соглашения с [татарами] из компании. Турки послали [к берегу] одну маленькую галеру, которая стала [на берегу] в шести лигах от Каффы, и они смогли поговорить с некоторыми тартарами, которые находились на побережье и узнали от них, что они [татары] все еще воевали [с городом], что было большой пользой для турок.

Глава LXXXII

Как турецкая армада высадилась на землю и осадила город Каффу

В последний день мая турецкая армада вернулась и стала в половине лиги от города, а первого июня, в третий час дня она высадилась на землю очень близко к городу, к той части, где находилась хорошо построенная церковь и справедливо называемая «Наша Сеньора» (т.е. – Богородица).

Турки завели около тысячи лошадей в ту церковь и разместили вокруг свои шатры, и в тот же день они окружили город и разбили свой лагерь рядом с воротами.

Триста пятьдесят парусников, таким было количество турецкой армады. Двести восемь были [настоящие] галеры, четыре большие галеры, а остальные – корабли для снабжения, но еще до того, как армада отплыла в Каффу, их было более пятисот парусников.

Во второй день июня турки выгрузили [с кораблей] четырнадцать стволов бомбард, из которых было несколько двух- и трехствольных. И были поставлены пять стволов против ворот и башни Святого Георгия, и другие четыре мортиры стреляли по городу и разрушали дома так, что и земле было страшно. Некоторые люди погибли от этих мортир в своих собственных домах.

Народ Каффы был не таким опытным в войне, как в злодействах, но он никогда не переставал ремонтировать, как только мог те части, что разрушала артиллерия. Но даже при этом, они [жители города] очень подозрительно относились друг к другу и не понимали, как договориться с турками. Женщины советовали им исповедаться, причаститься и сдружиться между собой, чтобы [вместе] защитить город. Одни говорили, что другие не будут поддерживать эту дружбу, и поэтому ничего хорошего не было сделано, и, наконец, все согласились пойти на переговоры.

Глава LXXXIII

Как каффинцы пришли говорить с турками и отдали им город

В шестой день июня в городе Каффа были переговоры с турками, и между ними было заключено перемирие на три дня. В то время в указанный город прибыли четыре посла, чтобы [говорить с] капитаном турецкой армады, которым был Амаг-баха¹⁸, и рассмотреть соглашение [о сдаче города], которое можно было бы с ним заключить; такими послами были: мессир Хулиано дель Фристо¹⁹, мессир Баутиста де Алегррия²⁰, мессир Сиксто Фертуцио²¹ и мессир Грегорио Рохо²².

О пакте или договоре о сдаче [города], который заключили эти послы с Амаг-бахой, в городе известно не было за исключением того, что позже стало видно, что каждый из них со своим домом и семьей был спасен, а все остальные были проданы. По возвращению они ложно заявили в городе, что договорились с главнокомандующим армады, что все люди и имущество [жителей] Каффы будут спасены и что все женатые и уроженцы земли могут остаться в нем и [сохранить] их собственное имущество, заплатив Великому Турку обычную дань, которая составляет дукат и половину [дуката] с каждой головы каждого человека от четырнадцати до шестидесяти [лет]. Из скота и любых других плодов [товаров] отдать надо из пятнадцати [единиц] вещей – две, тогда как все другие иностранные торговцы, которые были в городе, свободны [выбрать] остаться или уйти со всеми своими товарами, куда кто пожелает.

Обманутые таким образом жители Каффы сдали город и даже не дожидались [окончания] трех дней перемирия, которое они имели прежде. И еще до того, как прошел третий [день], флаги турок были так быстро установлены на воротах Святого Георгия и на воротах Святого Теодора, что никто из [жителей] города об этом не узнал, и даже большая часть народа была все еще на стенах и в других местах, куда они были назначены [для обороны], и первое, что они увидели, не зная, – это флаги и [услышали] игру турецких инструментов на башнях Каффы.

Таким образом можно «восхвалить» христиан, которые, хорошо защищая свою веру, так обесчестили христианство и [нанесли] вред своим соседям и близким, [как] те послы Каффы, которые совершили такое великое предательство, что даже сами турки позже насмехались.

¹⁸ Гедык Ахмед-паша, командующий османским войском.

¹⁹ Джулиан де Фьеско.

²⁰ Баттиста Аллегро.

²¹ Систо Чентуриони.

²² Грегорио Россо.

Глава LXXXIV
Жестокости и произвол, совершенные в Каффе после того,
как город был взят турками

В тот же день, когда город сдался, его жители из Валахии, из Руси и также грузины, греки и все другие христиане, кроме итальянцев, были схвачены, и [у них] забрали все, что они имели; они были закованы в цепи вместе со своими женами и детьми, и [их] отвели в [османский] лагерь, чтобы [потом] продать.

Турки использовали женщин и дочерей, как им было угодно, и говорили людям Каффы, что они сдались как твари и что с ними как с таковыми и следует обращаться. Они отделяли жену от мужа, сына от матери, мужа от жены и совершали многие другие очень большие жестокости. А поскольку большая часть из лагеря турок были преступниками и людьми низкого происхождения, у них не было ни стыда, ни уважения к добродетели, чтобы перестать делать все то зло, на которое они были способны.

Двенадцатого июня капитан-генерал Амаг-баха направил своего секретаря с теми четырьмя послами, которые предали Каффу, а также с другим из того же города, которого звали мессир Луис де Гаспарин²³, который был из тех двадцати восьми [горожан], которых послы избавили [от участи, постигшей всех], чтобы они изучили лично каждого в городе, будь то армянин, грек, иудей или христианин, его происхождение, его национальность и род занятий, с чего он жил, откуда был родом, сколько времени он уже проживал в Каффе, велено ли ему было прибыть туда или он прибыл сам, чтобы все это было тщательно записано, и чтобы они принесли ему все это и показали.

Великий ужас навел на людей этот приказ Амаг-бахи, главным образом на тех, кто был в городе по найму; точно так же, как и на тех, у кого не было собственности, все очень боялись, что Амаг-баха прикажет убить их, как он это уже сделал это в других местах. И из-за этого каждый пытался дать понять, что он принадлежал к какому-либо [важному] сословию, как, например, торговец, или что у него была какая-то другая форма собственности, потому что они верили, что это должно спасти их жизни.

И наоборот, любой торговец или другой человек, который многим владел, просил указать в записях, что [имел] меньше имущества, чем на самом деле, то затем эти пять предателей его обвиняли и высмеивали, что было причиной того, что многие указывали в докладной записке столько имущества, сколько у них было. Турки давали понять людям, что та докладная записка составлялась только для того, чтобы знать, сколько каждый должен был уплатить от того, что должны были внести как обычную дань.

Также приказал Амаг-баха поместить всех мастеров по золоту и серебру и их товары, и драгоценности в один дом, и это верно, что в то время их было так много в том городе Каффа, как и в любом другом месте Большого моря.

²³ Алуизе ди Гаспари.

Кроме того, он приказал, чтобы заявили о себе все те, кто им был должен, в какой мере, за какое время и всю другую возможную информацию о заказе.

Тринадцатого или четырнадцатого числа указанного месяца был оглашен указ, что под страхом смертной казни каждый привел сыновей и дочерей в возрасте от семи до двадцати лет, потому что он хотел выбрать из них тех, кого хотел бы отвезти к Великому Турку. Было найдено большое количество мужчин и женщин того возраста, которых было, наверное, десять тысяч, и из них Амаг-баха выбрал тысячу шестьсот мальчиков и девочек в возрасте от десяти до двадцати лет. И были среди них женатые и новобрачные, и выбрали мужа, но оставляли жену, а в другом случае – выбирали жену и оставляли мужа, в зависимости от возраста каждого из них.

Много что было увидено при завоеваниях Великого Турка, как до этого, так и во многих других [его последующих завоеваниях], но такого крика, такого плача, такого шума никогда не было видано среди людей, не били себя они так руками по лицу, не рвали на себе волосы, ни царапали свое тело своими собственными ногтями. Некоторым отсекли головы за то, что они не привели детей, были и другие, которые повесились, видя, как их [детей уводят] пленниками, другие в великой печали бродили день и ночь по улицам [города], пока не падали замертво, другие умирали, обняв за шею детей своих, и другим отсекали руки, потому что не могли оторвать их от родителей или жен.

Я не знаю, каким жестоким [нужно] быть, чтобы не поддаться жалости и очень великой от того, что там происходило, и те четыре предателя, которые продали их, были теми, кто больше всех доносил. Превратились в рабов и рабынь те, кого нашли турки в Каффе, и число их превзошло четыре тысячи. Также видели там еще одно [преступление] против человечества: многих детей восьми дней отроду, или месячных, или годовалых, турки вырывали из рук их матерей и разбивали их об землю, чтобы забрать матерей туда, куда им было угодно, и зарабатывать на них деньги.

Восемнадцатого числа того месяца было приказано и огласили на всех площадях, чтобы каждый человек [торговец] открывал свой магазин, продавал и производил свои товары, как и раньше, и был спокоен, не боясь больше ничего, что было некоторым облегчением для жителей Каффы. И это продолжалось очень недолго, потому что немного позже, так же, как и внезапно возникает шторм, опять приказали, чтобы все итальянцы под страхом смертной казни в три дня должны были заплатить половину всего того, что они указали, как свою собственность. И при этом, как будто требование заплатить половину от всего, что они указали, было не [наибольшим] злом, было приказано выплатить все наличными, что было невозможно выполнить, не сделав это, так как они это сделали, отдать всю свою одежду за четверть от того, что она стоила, и остаться только в рубашке, так же, как и золото и серебро брали меньше чем за половину их стоимости, так как были они обработанные.

Таким образом можно сказать, что в Каффе случилось еще одно разрушение Иерусалима, потому что жители города заявили не только о стоимости их имущества, но даже [указали] больше, чем они имели, чтобы их не убили и не продали, как выше было описано. А те, у кого турки позже не нашли

столько, сколько они заявили, были подвергнуты большим мучениям за это, посажены на кол, или им причинили бесконечное число других жестокостей, и, если они избежали такой участи, а всей их одежды было недостаточно, чтобы заплатить половину того, что они указали как свое имущество, как было приказано Амаг-бахой, их самих продавали.

Двадцать второго дня месяца июня в три часа дня было дано указание, что все итальянцы, которые были в городе, и те, кто был там от их имени, со своими рабами и рабынями под страхом смертной казни за полтора дня сели на определенные корабли, которые там находились предназначенные для этого.

И тех, кто после назначенного срока были найдены на земле [в городе], приказывал генерал-капитан изрубить на куски. Кроме того, был издан приказ и оглашен по всему городу, что никто из тех, кто остался в Каффе, под страхом смертной казни, не брал у итальянцев ничего на сохранение или сбережение; что заставило некоторых торговцев, у которых было много товаров, попытаться забрать с собой то лучшее, что они могли, и оставить остальное в своих домах, и никто не осмелился брать то, что в них оставалось, кроме капитана.

На улицах был [слышен] печальный плач тех несчастных семей, которые спешили в назначенное время явиться на корабли. Многие из них из-за спешки забыли взять хлеб на корабли, так что позже, когда он был им нужен, они молились Богу, что лучше бы их тысячу раз продали, чем хоть один час терпеть такую нужду, как из-за голода они терпели.

Погрузив те несчастные семьи из Каффы, корабли покинули порт и третьего августа подошли к порту Константинополя. И поскольку на земле [в городе] была чума, их заставили высадиться в поле, где несчастные оставались без никакого укрытия в течение трех месяцев, пока чума не прекратилась. А затем они были доставлены по приказу Великого Турка в Константинополь.

...Турецкое войско еще до наступления зимы захватила в комарке²⁴ Каффы и Орпайю (?), и Зибано²⁵, и Тодоро²⁶, и Туманию²⁷, и многие другие места, и загрузила огромное количество кораблей христианами.

Глава LXXXV

То, что делал Великий Турок, пока флот находился в походе на Каффу...

...Пока Амаг-баха был в походе на Каффу, Великий Турок оставался в Константинополе. И поскольку через несколько дней в городе началась чума, он отправился на прохладную гору, которая называется Изерелкин (?) и находится в шестидесяти милях от Адрианополя, где провел некоторое время в свое удовольствие.

²⁴ Т.е. в окрестностях.

²⁵ Чембало.

²⁶ Мангуп.

²⁷ Тамань.

Глава СXXXVI

Как Баясит, великий турок, был против конде²⁸ Эстефано²⁹ Карабодана³⁰ и выиграл у него города от Литостомо³¹ до Монкастро³²

Через много дней [в 1484 году] султан Баясит переправился через Дунай со всей своей армией и разбил свой лагерь возле города Литостомо, который расположен на берегу Большого моря, а с другой стороны его протекает ветвь Дуная, которая поблизости впадает в море.

Разбив лагерь под Литостомо и окружив город с моря и с суши, те, кто в нем [были], увидели, что у сеньора Карабодана не было возможности помочь им, и у них уже не было способа защитить себя, так как осада длилась семь месяцев, и они потратили все продовольствие и боеприпасы, которые у них были, они согласились сдать Великому Турку, договорившись, что они будут жить в своих владениях и будут платить этому сеньору так же, как они платили Карабодану.

Получив этот город, Баясит султан раздумывал, идти ли дальше. И тогда, совместно армада и сухопутные силы отправились к берегу Большого моря, чтобы окружить город Монкастро, который находится далеко от Литостомо – за сто миль. И он расположен на упомянутом Великом море, и, также, он с другой стороны расположен на значительной части берега ветви Бористена, который сегодня называется Непер³³.

Этот город защищался от Великого Турка в течение двух месяцев, но, взяв пример с того, что сделал город Литостомо, они сдались на таких же условиях. Получив Монкастро, великий турок Баясит объявил всей незаселенной равнине, что всех тех, кто вернется на свои места [прежнего проживания] в течение определенного срока, он встретит их так же, как и Литостомо, и Монкастро.

...И, хотя эти земли [вокруг Килии и Белгорода] принадлежали конде Эстефано Карабодану, и главные города завоевал великий турок Баясит, сегодня они принадлежат власти Ухието (?), народ этой земли всегда отдает также дань сеньору Тартару, как и Великому Турку, и так же семье конде Эстефано. И всем им они равно послушаются. И они не смогли бы жить по-другому, потому что любой из этих трех сеньоров может их уничтожить.

И поэтому, когда Баясит султан завоевал вышеупомянутые города Литостомо и Монкастро, он согласился с тем, что народ этой земли должен признать господство всех троих [правителей], потому что в противном случае ему нужно было бы оставить пятьдесят тысяч человек, чтобы защитить землю от тартар и Карабодана. И он никогда бы не завоевал эту землю, если бы в то время между тартарами не было много войны из-за двух братьев, из кото-

²⁸ Conde – правитель округа, провинции, графства.

²⁹ Молдавский воевода Штефан Великий.

³⁰ Точнее – Карабогдан, тюркское название Молдавии.

³¹ Точнее – Ликостромо, т.е. Килия.

³² Белгород.

³³ Днепр.

рых каждый хотел быть сеньором. И поэтому конде Эстефано не мог помочь в его городах ни один из них, пока Великий Турок не победил их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И.С. Мироковой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 211 с.
2. Крим у 1438 р. (Подорожні нотатки Перо Тафура) / Перекл. і вступ. стат. О. Галенка // Україна в минулому. Вип. VIII. Київ-Львів, 1996. С. 178–185.
3. *Тафур П.* Странствия и путешествия / Перевод, предисловие и комментарии Л.К. Масиеля Санчеса. М.: Индрик, 2006. 296 с.
4. Хаутала Р., Гулевич В.П. Письмо тосканского анонима о взятии Кафы в 1475 году из кодекса Q 116 sup Амброзианской библиотеки // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 829–854. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.829-854
5. *Aşık Paşazade.* Osmanogullari'nin tarihi. Çeviri ve günümüz diline aktarım: Kemal Yavuz - M. A. Yekta Saraç. İstanbul, 2003. 615 s.
6. Book of the Knowledge of All the Kingdoms, Lands, and Lordships That Are in the World. Second series. No. XXIX. London: Printed for the Hakluyt Society, 1912. XIV, 85, XXXVI p.
7. *Clavijo R.G.* Embassy to Tamerlane. 1403–1406. Introduction and comment by G. Le Strange. London, 1928. XVIII, 375 p.
8. Crónica de los turcos, la cual principalmente sigue a la que escribió Juan María Vicentino, cronista de Mahometo, Bayasit, Selim y Suleimán, señores de ellos Antonio Herrera de Tordesillas. Режим доступа: <http://bdh.bne.es/bnearch/detalle/bdh0000014857> (Дата обращения: 28.04.2019)
9. Crónica de los turcos de Antonio Herrera de Tordesillas, en edición de Fernando Fernández Lanza. Режим доступа: http://www.archivodelafrontera.com/wp-content/uploads/2012/03/Cronica_turquesca_DEFINITIVA_con_plantilla.pdf (Дата обращения: 28.04.2019)
10. *Donado da Lezze.* Historia Turchesca (1300–1515) / Publicată, adnotată, împreună cu o introducere de I. Ursu. Bucureşti: Edițiunea Academiei Romane, 1909. LX, 304 p.
11. El libro del conocimiento de todos los reinos = The Book of Knowledge of All Kingdoms / edition, translation and study by Nancy F. Marino. p. cm. – (Medieval & Renaissance texts & studies; v. 198). Includes bibliographical references and index. 1. Voyages and travels. 2. Flags. I. Marino, Nancy F., 1951. II. Tide: Book of knowledge of all kingdoms. III. Series: Medieval & Renaissance Texts & Studies (Series); v. 198. Tempe, Arizona: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 1999. LXXVI, 138 p.
12. Historia del Gran Tamorlán e itinerario y narración del viaje y relación de la embajada que Ruy González de Clavijo le hizo por mandado del muy poderoso señor Rey Don Enrique el Tercero de Castilla y un breve discurso hecho por Gonzalo Argote de Molina para mayor inteligencia de este libro. Madrid, Miraguano Ediciones (Libros de los malos tiempos, 8), 1984. 259 p.
13. *Lanza F.F.* Antonio de Herrera y Tordesillas, primer cronista mayor de Indias, autor probable de la «Cronica de los Turcos», fuente manuscrita española de la segunda mitad del siglo XVI, fundamental para un sólido conocimiento del Islám turco y para la reconstrucción de la mutilada «Historia turchesca» de Giovanni Maria Angiolello // Estudios de historia social y económica de América. No 13. 1996. P. 279–304.
14. Monumenta Hungariae historica. Acta extera. T. IV. Magyar diplomaciai emlékek Mátyás király korából 1458–1490. Második kötet / Szerecszték Nagy Iván és B. Nyáry Albert. Budapest: Magyar Tudományos Könyvkiadó-Hivatala, 1877. XXI, 448 p.

15. *Ruy González de Clavijo*. Embajada a Tamorlán. Estudio y edición de un manuscrito del siglo XV por Francisco López Estrada. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas (Nueva colección de libros raros o curiosos, 1), 1943. CXIV, 304, CCLXXXI p.

16. *Ruy González de Clavijo*. Embajada a Tamorlán. Éd. Francisco López Estrada, Madrid, Castalia (Clásicos Castalia, 242), 1999. 422 p., [8] p. de pl.

17. *Pero Tafur*. Travels and Adventures 1435–1439. Translated into English, edition and introduction by Malcolm Letts. London, 1926. XV, 261 p.

18. *Tafur P.* Andanças e viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439). Ed. M. Jiménez de la Espada / Coleccion libros españoles, raros ó curiosos. Tomo octavo. Madrid, 1874. T. 1. XVIII, 1–320 p., T. 2. 321–618 p.

Сведения об авторе: Владислав Петрович Гулевич – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (01008, ул. М. Грушевского, 5, Киев, Украина). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Поступила 30.04.2019 Принята к публикации 13.08.2019

Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. *Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406)* [Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarcand (1403–1406)]. Per. so staroispanского, predisl. i komment. I.S. Mirokovoy. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. 211 p. (In Russian)

2. Krim u 1438 r. (Podorozhni notatki Pero Tafura) [Crimea in 1438 (Pedro Tafur's travelogue)]. Perekł. i vstup. stat. O. Galenka. *Ukraina v minulomu* [Ukraine in the Past]. Is. VIII. Kyiv–L'viv, 1996, pp. 178–185. (In Ukrainian)

3. Tafur P. *Stranstviya i puteshestviya* [Wandering and Traveling]. Pervod, predislovie i komentarii L.K. Masielya Sanchesa. Moscow: Indrik, 2006. 296 p. (In Russian)

4. Hautala R., Gulevich V.P. A Letter of the Tuscan Anonym on the Seizure of Caffa in 1475 from the Codex *Q 116 sup* of the Ambrosian Library. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 829–854. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.829-854 (In Russian)

5. *Aşık Paşazade*. Osmanogullari'nin tarihi. Çeviri ve günümüz diline aktarım: Kemal Yavuz - M.A. Yekta Saraç. İstanbul, 2003. 615 p. (In Turkish)

6. *Book of the Knowledge of All the Kingdoms, Lands, and Lordships That Are in the World*. Second series. No. XXIX. London: Printed for the Hakluyt Society, 1912. XIV, 85, XXXVI p.

7. Clavijo R.G. *Embassy to Tamerlane. 1403–1406*. Introduction and comment, by G. Le Strange. London, 1928. XVIII, 375 p.

8. *Crónica de los turcos, la cual principalmente sigue a la que escribió Juan María Vicentino, cronista de Mahometo, Bayasit, Selim y Suleimán, señores de ellos Antonio Herrera de Tordesillas*. Available at: <http://bdh.bne.es/bne/search/detalle/bdh0000014857> (last accessed: 28.04.2019) (In Spanish)

9. *Crónica de los turcos de Antonio Herrera de Tordesillas*, en edición de Fernando Fernández Lanza. Available at: <http://www.archivodelafrontera.com/wp-content>

/uploads/2012/03/Cronica_turquesca_DEFINITIVA_con_plantilla.pdf (In Spanish) (last accessed: 28.04.2019)

10. Donado da Lezze. *Historia Turchesca (1300–1515)*. Publicată, adnotată, împreună cu o introducere de I. Ursu. București: Edițiunea Academiei Romane, 1909. LX, 304 p. (In Italian)

11. *El libro del conocimiento de todos los reinos = The Book of Knowledge of All Kingdoms*. Edition, translation and study by Nancy F. Marino. p. cm. – (Medieval & Renaissance texts & studies; v. 198). Includes bibliographical references and index. I. Voyages and travels. 2. Flags. I. Marino, Nancy F., 1951. II. Tide: Book of knowledge of all kingdoms. III. Series: Medieval & Renaissance Texts & Studies (Series); v. 198. Tempe, Arizona: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 1999. LXXVI. 138 p. (In Spanish, English)

12. *Historia del Gran Tamorlán e itinerario y narración del viaje y relación de la embajada que Ruy González de Clavijo le hizo por mandado del muy poderoso señor Rey Don Enrique el Tercero de Castilla y un breve discurso hecho por Gonzalo Argote de Molina para mayor inteligencia de este libro*. Madrid, Miraguano Ediciones (Libros de los malos tiempos, 8), 1984. 259 p. (In Spanish)

13. Lanza F.F. Antonio de Herrera y Tordesillas, primer cronista mayor de Indias, autor probable de la «Cronica de los Turcos», fuente manuscrita española de la segunda mitad del siglo XVI, fundamental para un sólido conocimiento del Islám turco y para la reconstrucción de la mutilada «Historia turchesca» de Giovanni Maria Angiolello. *Estudios de historia social y económica de América*. No 13. 1996, pp. 279–304. (In Spanish)

14. *Monumenta Hungariae historica. Acta extera*. Vol. IV. Magyar diplomacziak emlékek Mátyás király korából 1458–1490. Második kötet. Szereeszték Nagy Iván és B. Nyáry Albert. Budapest: Magyar Tudományos Könyvkiadó-Hivatala, 1877. XXI, 448 p. (In Latin)

15. Ruy González de Clavijo. *Embajada a Tamorlán*. Estudio y edición de un manuscrito del siglo XV por Francisco López Estrada. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas (Nueva colección de libros raros o curiosos, 1), 1943. CXIV, 304, CCLXXXI p. (In Spanish)

16. Ruy González de Clavijo. *Embajada a Tamorlán*. Éd. Francisco López Estrada, Madrid, Castalia (Clásicos Castalia, 242), 1999. 422 p., [8] p. de pl. (In Spanish)

17. Pero Tafur. *Travels and Adventures 1435–1439*. Translated into English, edition and introduction by Malcolm Letts. London, 1926. XV, 261 p.

18. Tafur P. *Andanças e viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439)*. Ed. M. Jiménez de la Espada / Coleccion libros españoles, raros ó curiosos. Tomo octavo. Madrid, 1874. Vol. 1. XVIII, 1–320 p., Vol. 2. 321–618 p. (In Spanish)

About the author: Vladislav P. Gulevich – MA (History), Chief Adviser, Office for Relations with the Local Government and the Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine (5, M. Grushevsky Str., Kyiv 01008, Ukraine). E-mail: gulevych_v@ukr.net

*Received April 30, 2019 Accepted for publication August 13, 2019
Published September 29, 2019*